

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

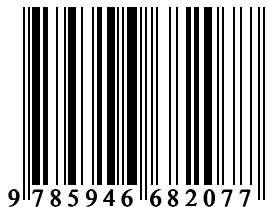
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «К Н. Я. П<ЛЮСКОВОЙ>»

К проблеме читательского восприятия

Ю. М. Лотман отмечал, что многие пушкинские тексты как бы делили аудиторию на две неравные части. Одна из них понимала полностью все шифры и намеки, содержащиеся в тексте, другая же понимала только сам факт наличия намека, однако не могла его дешифровать, но самим приближением к тексту оказывалась как будто допущенной в интимный пушкинский круг.¹

Стихотворение «К Н. Я. П<люсковой>» (1819) — один из немногих, как кажется, пушкинских лирических текстов, практически не связанных с данной проблемой. Даже заглавие белового автографа, подходящее для интимного дружеского послания и состоящее лишь из инициалов «К Н. Я. П.» при публикации было заменено. Заглавие публикации чем-то напоминает названия торжественных од XVIII в. и отмежевывает текст от интимной лирики, придавая ему официальность и даже помпезность, — «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Стихотворение Н. М. Карамзина, с которым иногда соотносят пушкинское,² называлось «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине». Тут видна некая интимная ситуация, неизвестная читателю: какой-то приятель о чем-то просил автора. В стихотворении Пушкина этого нет: «вызов» безличен, а именование императрицы — с официальным титулом. Отсутствие в названии адресанта вызова редуцирует интимную составляющую.

---

¹ См.: Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 169–173.

² См.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 39.

Пушкинское стихотворение было опубликовано в 10-м номере восьмой части издававшегося Вольным обществом любителей российской словесности журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» за 1819 г.

Содержание этого текста должно было быть понятно каждому образованному подданному Российской империи. Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, вызывала у современников уважение и сочувствие. Нелюбимая, брошенная супруга, кроткая и смиренная женщина, добродетельная государыня, она вдохновляла поэтов и художников, всячески оказывала им покровительство, живо интересовалась изящными искусствами. Ее конституционалистские взгляды были основаны на множестве прочитанных книг.

Сразу оговорюсь, что не могу согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Ф. Н. Глинка — в то время председатель Вольного общества и редактор «Соревнователя», а по совместительству член Союза благоденствия, доставивший стихотворение в Общество для публикации, — использовал его в целях агитации в пользу Елизаветы.³ Скорее наоборот, общие настроения образованного русского общества натолкнули Глинку на мысль о том, что Елизавета может занять престол в случае государственного переворота. Совецание Союза благоденствия, на котором Глинка предложил подобный вариант, было несколькими месяцами позже публикации стихотворения Пушкина.⁴

* * *

Исследователями давно отмечена текстологическая проблема, относящаяся к стиху 5. «И в черновом автографе, и в белой редакции, и в первопечатном тексте читаем: “Природу лишь учая славить”, что, учитывая смысл всего стихотворения, и верно. Пушкин в данном случае дает сентиментальную разработку темы, и потому слово “природа” здесь более уместно», — замечает С. А. Фомичев.⁵ Резкая оценка «казуса» дана В. Д. Раком: «Нужно очень глубоко “влипнуть” в боготворимого поэта или вознестись в горнии сферы, чтобы, печатая в послании “К Н. Я. Плюсковой” стих “Сво-

³ См.: *Шебунин А. Н.* Пушкин и «Общество Елизаветы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Вып.] 1. С. 66; *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. С. 38–39.

⁴ См. подробнее о контексте написания и публикации «Ответа на вызов...»: *Готовцева А. Г.* Как «природа» обернулась «свободой»: К истории публикации одного пушкинского текста в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» // Вестник РГГУ. 2011. № 6 (68)/11. С. 166–179.

⁵ *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. С. 41.

боду лишь учася славить” и помещая на параллельном развороте уменьшенный снимок автографа,⁶ не заметить, что там он читается “Природу лишь умея славить”, и не объяснить, что Пушкин слегка “порозовел” по воле М. А. Цявловского, “улучшившего” текст вариантом из неавторитетной копии.⁷

Следует отметить, что «порозовел» Пушкин гораздо раньше — еще в дореволюционных собраниях его сочинений, начиная с редактируемого П. А. Ефремовым.⁸

Составители первой книги второго тома нового академического полного собрания сочинений Пушкина, вышедшей в 2004 г., решили исправить данный текстологический казус и напечатали текст полностью по «Соревнователю», вернув на законное место «природу».

Откуда же взялась «свобода»? Еще в 1986 г. С. А. Фомичев резюмировал, что «это несомненно искажение пушкинского текста (с целью увеличить его оппозиционность)».⁹ Согласились с Фомичевым и комментаторы нового академического собрания сочинений, отметив, что «слово “свобода” <...> вероятнее всего, является читательской интерполяцией с целью усилить оппозиционность текста».¹⁰

Однако ни Фомичев, ни составители собрания сочинений никак не объяснили, почему именно желание усилить оппозиционность стихотворения стало причиной замены «природы» на «свободу».

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к семантике слов «природа» и «свобода» у самого Пушкина. Вот строки из стихотворения 1817 г. «К ней»:

Все снова расцвело. Я жизнью трепетал,
Природы вновь восторженный свидетель,

---

⁶ Здесь имеется в виду изд.: *Пушкин А. С. Художественные произведения, критические и публицистические труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке: [В 3 т.] / Под общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. В. А. Кожевникова; Примеч. В. А. Кожевникова и В. С. Непомнящего; Отв. ред. И. Э. Сурат. М., 2000. Т. 1: 1809–1819. С. 322–323.*

⁷ *Рак В. Д. О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003. С. 15.*

⁸ См., например: *Пушкин А. С. Соч. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1. С. 226; Пушкин А. С. Сочинения с объяснениями их, сводом отзывов критики / Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. М., 1887. Т. 1. С. 75; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 507.*

⁹ *Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. С. 61.*

¹⁰ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 554; примеч. И. С. Чистовой.*

Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам.¹¹

«Природа» здесь понимается идиллически, как и «свобода», тесно с ней связанная. Тут же их спутниками оказываются столь значимые для послания к Плюсковой слова «любовь» и «добродетель».

Обретение свободы в единении с природой также можно найти в других пушкинских стихах этого периода:

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень. —
И для [меня] воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерян<ная> млад<ость>,
Тоски мучительная сладость
[И] ты, о [первая] любовь.
(«Дубравы, где в тиши свободы...», 1818)¹²

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
(«Торжество Вакха», 1818)¹³

Заметим, что слово «свобода» нередко появляется в тех стихотворных фрагментах, где звучит «вакхическая тема»:

Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 11. Курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, мой. — А. Г.

¹² Там же. С. 93.

¹³ Там же. С. 19.

Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
<...>

Меня зовут поля, луга,
Тенисты липы огорода,
Озер пустынных берега
И деревенская свобода.

(«К Энгельгардту», 1819)¹⁴

Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вахх <и> музы угощают.

(«Послание к кн. Горчакову», 1819)¹⁵

В пушкинском послании 1819 г. «Орлову» появляется «тайная свобода», то есть, как отмечает С. А. Фомичев, «“свобода сердца” — обычный сентиментальный штамп»:¹⁶

Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов...¹⁷

Составители нового академического собрания сочинений отметили, что «стихотворение “К Н. Я. П<люсковой>” естественно вписывается в лирику 1816—1819 гг. с ее особым типом элегического героя, избравшего своим определяющим жизненным принципом внутреннюю (“тайную”) свободу, слагающего вдали от житейской суеты гимны природе, любви, красоте».¹⁸ Подобных мотивов много у В. А. Жуковского, встречаются они у Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского.¹⁹

В связи с этим понятно, почему в стихе 5 у Пушкина именно «природа»: иначе в стихах 5-м и 17-м для выражения двух практи-

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. С. 61.

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 559; примеч. И. С. Чистовой.

¹⁹ См., например: В. А. Жуковский, «Вечер» (1806), «Батюшкову» (1812), «Невыразимое» (1819), «Княгине А. Ю. Оболенской» (1820) и др.; Е. А. Баратынский, «Пиры» (1821); К. Н. Батюшков, «Переход через Рейн» (1816; интересно, что в этом тексте появляется образ Елизаветы Алексеевны); П. А. Вяземский, «К подруге» (1815), «Вечер на Волге» (1816).

чески равнозначных понятий пришлось бы употребить одно и то же слово, что оказалось бы стилистически неудачно.

Однако читатели, не обладавшие столь тонким поэтическим чутьем, свободно меняли «природу» на «свободу» и обратно.²⁰ Характерно, что в одном из ранних списков — списке, хранящемся в Остафьевском архиве князей Вяземских (1823), — значившаяся там изначально «свобода» исправлена на «природу».²¹

* * *

При анализе пушкинской лирики первых послелицейских лет выявляется и другой несомненный смысл слова «свобода» — свобода политическая. По меткому замечанию В. Н. Топорова, «речь идет о пристрастии к введению “терминологического” — как на уровне отдельных понятий, так и целых выражений, концептов, заимствованных из злободневной социально-экономической литературы (или соответствующего устного обихода), — и в этом смысле противостоящего сфере собственно “поэтического”. <...> Для Пушкина пристрастие к “терминологичности” <...> помимо ряда других причин было своего рода игрой, предполагающей сталкивание “не-поэтического” с поэтическим, обращение к метаязыковому уровню <...> знаком связи с другими текстами и внетекстовыми реалиями, своего рода “шиболетом”».²²

Понимаемая как политическая, «свобода» соотносима с понятием «закон». Это понимание, безусловно, имеет рационалистическую основу, а в сознании самого Пушкина восходит прежде всего к лекциям профессора А. П. Куницына по естественному праву, составленным под влиянием западноевропейской философии — в первую очередь трудов Ж.-Ж. Руссо и И. Канта. В 1818 г. вышла первая часть труда Куницына «Право естественное», по которой можно судить о содержании его лекций.

«Поколикую человек может располагать своим поведением независимо от внешних впечатлений, то он называется свободным. По силе сей способности он желает состоять только под законами собственного разума и всякое другое законодательство только тогда

²⁰ См. произвольную замену М. А. Максимовичем «свободы» на «природу» при публикации «Подражания псалму XIV» Н. М. Языкова: Русская старина. 1903. № 3. С. 529–530; Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 271.

²¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5573, л. 3.

²² Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: К постановке вопроса. Wien, 1992. С. 48–49. (Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 29). Курсив автора.

допускает, когда оно проистекает из общих начал разума», — писал Куницын.²³ «Общая цель всех людей — сохранение свободы, которой они могут достигнуть только соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей».²⁴ «К чему человек имеет право, то свободно произвести может. Следовательно, свобода человека ограничивается его правами. Чем больше человек имеет прав, тем большую имеет свободу...»²⁵

Таким образом, только руководствуясь разумом и определяемым им законом, человек может быть свободным. Именно так понимается «свобода» в оде «Вольность» (1817) и стихотворении «Деревня» (1819). Интересно, что в «Деревне» идиллический контекст не дает удовлетворения лирическому герою, не дает возможности «свободною душой Закон боготворить», поскольку «свобода» здесь — политическая, юридическая, которой лишен герой. Природа в подобных текстах — тоже не идиллическая, а правовая, природа человека. Это понятие природы также есть в лекциях Куницына.²⁶

Такие «свобода» и «природа» оказываются антитезами:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа...
(«Вольность»)²⁷

Естественно, что в данной дискурсивной модели замена «природы» на «свободу» и наоборот невозможна. В этом отношении интересно послание княгине Голицыной (1818):²⁸

Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.²⁹

Как кажется, «природа» здесь идиллическая, а «свобода» — политическая, что подтверждается подзаголовком, раскрывающим контекст написания послания: «посылая ей оду “Вольность”».

²³ Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. Ч. 1. С. 4.

²⁴ Там же. С. 14–15.

²⁵ Там же. С. 55.

²⁶ См., например: Там же. С. 1–5.

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 13.

²⁸ В новом академическом собрании стихотворение датируется 1817 г. (см.: Там же. С. 555–556).

²⁹ Там же. С. 17.

Смысл читается следующим образом: лирической героёй, воспитанный идиллическим восприятием свободы и природы, вдруг решает воспеть юридическую свободу.

Какую именно «свободу» имели в виду читатели — создатели списков, которые вписали ее в стих 5 послания к Плюсковой? Нет никаких доказательств того, что эти читатели были «оппозиционно настроены» и «свободу» понимали исключительно политически, по крайней мере, если говорить о начале 1820-х гг., то есть о самых ранних списках. Эти читатели жили с Пушкиным, Жуковским и Вяземским в одном информационном поле. Те или иные слова в списках заменяются их синонимами или семантически близкими словами довольно часто. Представляется, что «свобода» могла появиться в этом стихе в качестве понятия, синонимичного «природе».

* * *

В сентябре 1825 г. Пушкин встречается с лицейским товарищем Александром Горчаковым и правит принадлежащий последнему список интересующего нас стихотворения. В этом списке стих 5 искажен — он начинается со слова «свобода». И Пушкин, придирчиво и внимательно исправляющий каждую строчку, эту «свободу» в 5-й строке оставляет как есть, вычеркивая в то же время целое четверостишие (стихи 13–16). Составители полного собрания сочинений предположили: «...с переработкой стихотворения в 1825 г. связан тот факт, что уже вошедшее в оглавление послание на последнем этапе было из него исключено. Прежний текст Пушкина не удовлетворял» (речь шла о готовящемся сборнике стихотворений 1826 г.).³⁰

---

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 556; примеч. И. С. Чистовой. Что касается исключения текста «К Н. Я. П<люсковой>» из первого сборника пушкинских стихотворений, то установление причины, по которой это произошло, требует специальных разысканий. Отметим лишь следующее. В утраченной так называемой Капнистовской тетради, послужившей основой для этого сборника, в тот момент, когда она находилась в руках Л. Н. Майкова, готовившего собрание сочинений поэта, этого текста уже не было. Видимо, он находился среди утраченных 15 посланий (см.: Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина // Литературное наследство. М.: Л., 1934. Т. 16–18. С. 825–868). В «Материалах для академического издания сочинений Пушкина», изданных В. Саитовым после смерти Л. Н. Майкова (это тексты предполагаемого 2-го тома, который Майков готовил к печати и не успел издать), послание к Н. Я. П. фигурирует под заглавием «Ответ на вызов написать стихи в честь государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» со словом «свобода» в стихе 5, при этом из комментария следует, что Майкову были

Пушкин в 1825 г. — это автор «южных поэм», герои которых ищут недосыгаемую абсолютную свободу то во внутреннем, то во внешнем мире, это драматург, заканчивающий «Бориса Годунова», где он пытается определить границы свободы государственного деятеля, и, наконец, это ссыльный, для которого свобода особенно актуальна. Причины, по которым поэт в поздней редакции послания к Плюсковой оставляет слово «свобода», и что это была за «свобода» — тема отдельного исследования. Позволю себе лишь несколько замечаний, касающихся моей темы.

Здесь наблюдается случай обратного влияния — влияния читательской аудитории на автора. Видимо, Пушкин действительно работал над новой редакцией послания. И стих 5 в том виде, в каком он был в списке Горчакова, по тем или иным основаниям его устроил. Мировоззрение Пушкина и его мироощущение претерпели существенную эволюцию. Он явно искал варианты изменения текста, о чем свидетельствует, между прочим, и то, что он вычеркнул стихи 13–16, где говорилось о добродетели императрицы, и то, что предпочел в первой строке «дикую лиру» чернового автографа «скромной лире» беловика и первой публикации. Но совершенно неизвестно, как сложилась бы судьба стиха 5 в авторизованной копии, если бы она не была подсказана Пушкину читателем.

В этом контексте интересна трактовка «свободы» в стихотворении «Андрей Шенье», написанном в мае — июне того же 1825 г. Там присутствуют обе «свободы». Сначала появляется свобода-закон:

Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство...
<...>

известны оба автографа, черновой и белой, со словом «природа» (см.: *Майков Л. Н.* Материалы для академического издания сочинений Пушкина. СПб., 1902. С. 17–19). На какой список ориентировался исследователь и почему в строке 5 указанного издания напечатано «Свобода» вместо «Природа», установить трудно — возможно, на него повлияла некая традиция, уже вполне сложившаяся к тому времени. Немного раньше Капнистовская тетрадь находилась также в распоряжении П. А. Ефремова, однако, скорее всего, стихотворения «К Н. Я. П.» на этот момент в ней уже не было. В руках П. В. Анненкова была рукопись, подготовленная П. А. Плетневым и Л. С. Пушкиным по Капнистовской тетради для передачи в цензуру (см. письмо Плетнева Пушкину от 26 сентября 1825 г. — XIII, 232–236), но послания к Плюсковой в ней не было (см.: *Томашевский Б. В.* Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 842). В издании Анненкова стих 5 читается: «Природу лишь учася славить» (*Пушкин А. С.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7. С. 25).

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
(II, 398)

Затем герой начинает сомневаться, правильное ли он принял решение, отдавшись борьбе за свободу. И тут появляется другая свобода, идиллическая, которая, согласно композиции стихотворения, противопоставлена первой:

Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах, друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом, и стихами
Сень, охраненную домашними богами...
(II, 400)

Но в конце концов герой приходит к выводу, что его решение вступить на поприще борьбы за политическую свободу, оставив свободу идиллическую, было правильным:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет...
(II, 401)

* * *

Контаминация двух «свобод» происходит, видимо, после восстания декабристов, когда строки Пушкина уже прочно воспринимаются как вольнолюбивые стихи с политическими коннотациями. Как отмечает М. А. Цявловский, «стихотворение Пушкина <...> не заключая в себе ничего революционного, пользовалось большой популярностью у оппозиционно настроенных любителей литерату-

ры».³¹ Видимо, вывод о популярности «Ответа на вызов...» был сделан на основании большого количества его списков.

Всю первую половину 1827 г. в Харькове велось следствие: у офицера одного из полков, квартирующих в окрестностях этого города, была обнаружена тетрадь с крамольным содержанием. На 12-м, самом последнем листе этой тетради, собственно, и был переписан «Ответ на вызов...». В этом деле оказались замешаны студенты Харьковского университета, один из которых убеждал следствие: «Что касается до сочинений вольных Пушкина или выданных под его именем, то они у редкого студента не находятся».³²

Среди материалов другого, гораздо более длинного и запутанного, дела (следствие по нему длилось два года — с июля 1826 по июнь 1828 г.), известного в пушкинистике как «шенъевская история»³³ (в центре истории было распространение неподцензурных стихов из исторической элегии «Андрей Шенье»), также оказался список «Ответа на вызов...».³⁴ Хотя прямого отношения к делу этот текст в данном случае не имел, он вкуче со списками некоторых других стихотворений был найден в бумагах секретного агента В. Г. Коноплева,³⁵ с доноса которого правительству и началась «шенъевская история». Сам же Коноплев показывал на следствии по поводу найденных у него списков разных стихов, что их «имел он у себя, как Чиновник, употребленный Правительством для открытия подобных оным сочинений, секретного обследования и наблюдения над теми лицами, у кого таковые окажутся...»³⁶

---

³¹ Цявловский М. А. Эпигоны декабристов // *Голос минувшего*. 1917. № 7–8. С. 93.

³² Цит. по: Там же. С. 97.

³³ Подробно о «шенъевской истории» см.: *Щеголев П. Е. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826–1828 гг.: (Из архивных разысканий)* // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 1–51; *Березкина С. В.* Дело об «Андрее Шенье» Пушкина и его судебно-правовые аспекты // *Русская литература*. 2010. № 1. С. 26–41. Публикацию документов см.: *Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине*. СПб., 1906. С. 263–300; *Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии, 1799–1829*. СПб., 2007.

³⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, № 171, л. 14 об.—15. Опубликован С. С. Сухониным — см.: *Дела III Отделения... С. 281–282* (в деле проходил под названием «Послание к Елизавете»).

³⁵ 30 сентября 1827 г. санкт-петербургский обер-полицмейстер Б. Я. Княжнин доносил А. Х. Бенкендорфу о Коноплеве: «В квартире сего [чиновника] здешнею полициею делан был обыск, при произведении коего найдены бумаги, которые, хотя к оному делу оказались не принадлежащими, но заслуживают внимания правительства» (*Дела III Отделения... С. 267*).

³⁶ Александр Сергеевич Пушкин: *Документы к биографии, 1799–1829*. С. 756.

Таким образом, во второй половине 1820-х гг. «Ответ на вызов...» превращается в текст с политическим содержанием.

* * *

Необходимо сделать также еще одно маленькое замечание текстологического свойства.

Вернемся к уже приведенной выше цитате из книги С. А. Фомичева: «И в черновом автографе, и в беловой редакции (ПД 26), и в первопечатном тексте читаем: “Природу лишь учася славить”...». Но дело в том, что и в черновом, и в беловом автографе строка читается иначе: «Природу лишь умея славить». Откуда же взялось в первопечатном тексте слово «учася»?

О том, на каких страницах 10-го номера 8-й части «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1819 г. был опубликован пушкинский «Ответ на вызов...», хорошо известно. Однако если обратиться к 12-му, последнему, номеру за этот же год, то на последней его странице находим список опечаток, относящийся ко всей 8-й части «Соревнователя» (№№ 10–12) и читаем там, что на 70-й странице 10-го номера в строке 10 (счет строк начинается с названия раздела «Стихотворения») слово «учася» было ошибочно напечатано вместо слова «умея».

Таким образом, появление этого слова в первой публикации — ошибка типографщика, еще один текстологический казус, который затем отразился во многих списках и не был исправлен и в новейшем полном собрании сочинений поэта, где, несмотря на избавление от плохо мотивированной «свободы», при публикации стиха 5 не была соблюдена текстологическая корректность.

К 1819 г. Пушкин имел уже достаточный творческий опыт в прославлении «природы», чтобы «уметь», а не «учиться» ее «славить». Собственно, Пушкин никогда и не писал «учася».

* * *

Подведу некоторые итоги. Читательское искажение пушкинского посвящения императрице Елизавете Алексеевне произошло практически сразу после написания, но оно поначалу в восприятии аудитории не меняло смысла и, как кажется, общего пушкинского замысла. Лишь во второй половине 1820-х гг. этот искаженный текст под влиянием известных событий стал восприниматься читателями как проявление свободомыслия.

В результате текст с читательской интерполяцией стал каноническим и долгое время воспроизводился в печатных изданиях дореволюционных, советских и — по инерции — постсоветских.

В советскую эпоху, когда Пушкина представляли яростным борцом с самодержавием, подобное прочтение стало очень удобным. Навязанное искаженным стихом восприятие текста заставляло авторитетных исследователей, «наступая на горло» собственной филологической квалификации, рассуждать о том, что в журнальной публикации «свободу» на «природу» заменила реакционная царская цензура, которая неотвратно искажала пушкинские тексты «с самого их возникновения» и делала Пушкина «из певца свободы поэтом-созерцателем».³⁷

А. Г. Готовцева

---

³⁷ *Розанов И. Н.* Пушкин — певец свободы // *А. С. Пушкин, 1799–1949: Материалы юбилейных торжеств.* М.; Л., 1951. С. 103–104; *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813–1824). С. 181–182.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «ВАКХИЧЕСКОЙ ПЕСНИ»

Давно отмечено, что «Пушкин входил в российскую литературу под неумолчный перезвон “вакхических песен”. Их писали, переписывали. Их осмеивали в метких пародиях. Их отвергали. И их снова и снова принимались писать».¹ Тем не менее поэтический контекст, с которым тесно связана пушкинская «Вакхическая песня», до сих пор, как кажется, не описан с достаточной степенью подробности. Задача данной заметки — восполнить эту лауну.

«Вакхический» жанр получил широкое распространение в русской поэзии 1810–1820-х гг. В 1815 г. в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» было включено сразу несколько «образцов» этого жанра: «Веселый час» Карамзина (впервые — 1791, под заглавием: «Песня веселых»), «Песня в веселый час» Жуковского (впервые — 1813) и «Веселый час» Батюшкова (впервые — 1810). Песенная природа произведений была несомнен-

---

¹ *Калло Е. М., Турбин В. Н.* Эхо «Вакхической песни» // *Болдинские чтения.* Горький, 1981. С. 108.